

СРАВНИТЕЛЬНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МИФА И РИТУАЛА КАК СОСТАВЛЯЮЩИХ ЧАСТЕЙ МИФОРИТУАЛЬНОГО РЕЛИГИОЗНОГО КОМПЛЕКСА

И. П. ДАВЫДОВ

Автор затрагивает проблему существования в системе религиоведческого знания такого направления, как ритуалистика, предмет которой — мифоритуальный комплекс — до недавнего времени не оказывался в фокусе внимания специалистов, и предпринимает попытку дать определение мифоритуала, обозначив его генезис и основные характеристики мифа и ритуала как феноменов культуры. В решении вопросов взаимосвязи мифа и ритуала в качестве основного метода выступает функциональный анализ, при этом автор опирается на достижения московской и билефельдской школ социологии религии, теории обряда / ритуала В. Н. Топорова, А. К. Байбурина и К. С. Сарингуляна, а также на философию мифа М. Элиаде и взгляды представителей кембриджской школы. В ходе сравнительного анализа 36 функций ритуала, 12 функций мифа и 24 функций религии автор приходит к выводу, что количество функций мифа, выявленных отечественными и зарубежными специалистами по социальной антропологии, этнологии и фольклористике, относительно невелико и более соразмерно количеству социальных функций религии, нежели ритуала. Делается предположение, что религия в ходе своей эволюции насчитывает около половины функций, присущих первичному мифоритуальному комплексу, насчитываемому 48 функций.

Введение

Вынесенный в название статьи термин «мифоритуал» стал в последнее время весьма востребованным в отечественной фольклористике, славяноведении, балканистике, этнографии, этнолингвистике¹. И воспринимается он в этих науках как нечто данное, самоочевидное и хорошо себя зарекомендовавшее. Вместе с тем еще в 2003 г. термин «мифоритуал», в отличие от терминов «миф», «обряд», «ритуал» и их производных, не был включен в семантический лексикон русского языка². Можно даже проследить становление этого термина в литературе 1950–2000-х гг. Примечательно, что сначала исследователи форм простона-

---

¹Достаточно указать на труды, например, Л. Н. Виноградовой и Т. Б. Шепанской, где прилагательные, производные от слов «миф», «ритуал», «мифоритуал» входят в название монографий: *Виноградова Л. Н.* Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000; *Шепанская Т. Б.* Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М., 2003.

²Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: В 3 т. / Н. Ю. Шведова, ред. М., 2003. Т. 3. С. 600, 604, 616.

родной религиозности, «низшей» мифологии и демонологии, гетеродоксальной набожности оперировали термином «мифо-ритуал», через дефис, подчеркивая его искусственность, двухосновность, двусоставность. К примеру, американский фольклорист В. Бэском еще в 50-е гг. прошлого века разрабатывал именно мифо-ритуальную теорию³. Значительно позднее термин «мифоритуал» интуитивно был понят и принят научным сообществом как синтетический, а не синкретический.

Этнолингвисты, рассматривая «культуру в зеркале словаря», поныне отзывают термину «мифоритуал» в самостоятельном содержании. И, на наш взгляд, совершенно напрасно, поскольку его смысловое наполнение однозначно детерминировано дефиницией религии Э. Дюркгейма: как религия есть солидарная (т. е. органическая, а не механическая) система верований и практик, относящихся к вещам священным, так и мифоритуал есть именно нераздельное единство мифологических верований и ритуальных практик, только, в отличие от религии, мифоритуальная ортодоксия и ортопраксия не касается исключительно сферы сакрального, может включать в себя и пласт профанного, а также не чурается скверны (ср.: ἄγος и ἄγιος)⁴. Чтобы отличать и маркировать «низовую» религиозность, к примеру, дескриптивировать полидаимонизм, описывать формы общения с персонажами пандемониума и т. п., термин «мифоритуал» подходит оптимально.

Итак, можно констатировать, что в отечественной фольклористике сравнительно недавно выработалось интуитивное представление о мифоритуале как неразрывном единстве мифа и ритуала⁵. Примечательно, что в российской этнолингвистике понятия «миф», «ритуал», «мифоритуал», «ритуалистика» поныне остаются неотрефлексированными⁶, и это налагает на гуманитариев философ-

³ *Bascom W. The Myth-Ritual Theory // Journal of American Folklore. 1957. № 70. P. 103–114* (русский перевод: *Бэском В. Мифо-ритуальная теория // Обрядовая теория мифа / А. Ю. Рахманин, сост., пер., пред. СПб., 2003. С. 132–156*). К тому же времени относится и книга Алана Уотса «Миф и ритуал в христианстве» (*Watts W. A. Myth and Ritual in Christianity. Boston, 1953* (русский перевод: *Уотс А. Миф и ритуал в христианстве. М.; К., 2003*). И В. Бэском, и А. Уотс не решаются заговорить о мифоритуале как органичном единстве теории и практики, В. Бэском подчеркивает различия взглядов «мифо-ритуалистов» от предшествующей мифологической школы в литературоведении, настаивая на первичности ритуала, а Алан Уотс вообще предпочитает говорить отдельно о христианских верованиях и христианских обрядах. Точно так же через дефис пишут слова «мифо-ритуал», «мифо-ритуальный», «ритуально-мифический» В. Н. Топоров и Т. В. Цивьян.

⁴ *Забияко А. П. Категория святости. Сравнительное исследование лингворелигиозных традиций. М., 1998. С. 40 и след.; Осипова О. В. Древнегреческо-русский и латинско-русский словарь основных терминов религиоведения. М., 2007. С. 5; Степанов Ю. С. Святое и Скверна // Он же. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001². С. 849–852.*

⁵ В XIX–XX вв. славяноведами и фольклористами изучался лишь мифологический пласт, безотносительно к обрядовости. См. подробнее: *Лантева Л. П. История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005; Топорков А. Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX века. М., 1997.*

⁶ Об этом свидетельствует, например, отсутствие статей «Миф», «Ритуал», «Мифоритуал» в самом авторитетном на сегодня пятитомном русскоязычном этнолингвистическом словаре «Славянские древности», изданном ИСИБ РАН: *Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. / С. М. Толстая, ред. М., 1995–2012.*

ских специальностей определенную обязанность восполнить данный пробел⁷. Ритуалистика как самостоятельная дисциплина в русле этнологии, социальной антропологии и фольклористики до сих пор не сформировалась, существует лишь легко идентифицируемая по своей методологии («обрядовый подход») «кембриджская школа ритуалистов» — Д. Фонтенроуза, В. Бэскома, К. Клакхона, С. Хьюмана⁸, поэтому рассматривать динамику развития ритуалистики не представляется возможным, хотя ведущие специалисты других областей знания внесли весомый вклад в становление основ нарождающейся дисциплины⁹, так, например, биологические корни ритуала исследовали Н. Тинберген и К. Лоренц¹⁰.

1. Функциональный анализ ритуала

Пожалуй, одним из немногих на сегодня российских этнографов, продолжающих разрабатывать философско-теоретическую концепцию ритуала, является А. К. Байбурин. В своей успешной статье классической монографии «Ритуал в традиционной культуре» он подчеркивает, что термины «обряд» и «ритуал» следует считать синонимами, поскольку в зарубежной печати превалирует только последний¹¹, и слово «обряд» иностранным читателям не знакомо. И это действительно так¹². Однако, на наш взгляд, эти понятия не тождественны, хотя в русском языке конвенционально выступают как парасинонимы¹³.

Современная отечественная культурология также стремится к осторожной родо-видовой дифференциации и сущностной демаркации этих понятий, при этом под обрядом (род) понимаются «...традиционные действия, сопровождающие важные моменты жизни человеческого коллектива», а под ритуалом —

⁷Трехтомник В. Д. Шинкаренко предлагает читателю неплохой исторический экскурс по персоналиям, но не содержит никаких новаторских идей. Он ценен именно как систематизированное введение в проблематику, как ретроспективный обзор достижений философии культуры двух прошлых веков (*Шинкаренко В. Д. Нейротипология культуры. М., 2005; Он же. Смысловая структура социокультурного пространства: Игра, ритуал, магия. М., 2005; Он же. Смысловая структура социокультурного пространства: Миф и сказка. М., 2005*).

⁸Англоязычную библиографию «кембриджской школы» см., например: *Топоров В. Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988. С. 51–52. Прим. 51. На русском языке см.: Обрядовая теория мифа...*

⁹На то, что ритуалистика все же обособится, позволяет надеяться статья С. Хьюмана (*Хьюман С. Обрядовый подход к мифу и мифическому // Обрядовая теория мифа... С. 177–197*).

¹⁰*Конрад Л. Агрессия (так называемое «зло»). М., 2001; Тинберген Н. Социальное поведение животных М., 1993.*

¹¹*Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. С. 4.*

¹²Из недавних публикаций см., например: *Encyclopedia of religious rites, rituals, and festivals / F. A. Salamone, ed. N. Y., 2004; Magic and Ritual in the Ancient World / P. Mirecki, M. Meyer, eds. Leiden, 2002.*

¹³*Белова О. В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005; Голос и ритуал. Материалы конференции (май 1995 г.). М., 1995; Новик Е. С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур. М., 2004²; Славянский и балканский фольклор: Верования. Текст. Ритуал / Н. И. Толстой, ред. М., 1994.*

«...вид обряда, форма сложного символического поведения, упорядоченная система действий, выражающая определенные социальные и культурные ценности. Ритуал — сильно стилизованный и тщательно распланированный набор жестов и слов, исполняемых лицами, особо избранными и подготовленными для этого. Ритуал наделен символическим значением»¹⁴.

Симптоматично отсутствие строгих дефиниций обряда и ритуала даже в узкоспециальных трудах В. Н. Топорова и А. К. Байбурина¹⁵. Зато оба названных отечественных специалиста по культурной антропологии и этнолингвистике используют функциональный подход, в то время, как наибольшую популярность в современной российской этнологии и фольклористике приобрел структурный, а не функциональный (и не структурно-функциональный¹⁶) анализ¹⁷.

Следом за Э. Дюркгеймом А. К. Байбуриным рассматривает четыре наиболее значимые функции обряда / ритуала: 1) социализации индивида; 2) интегрирующую; 3) регенерирующую (воспроизводящую) и 4) психотерапевтическую (психологического комфорта)¹⁸. Далее он отмечает, что возможное количество функций и подфункций ритуала, частично перекрывающих друг друга, неуклонно растет с появлением все новых исследований. Так, Д. Томсоном, Р. Д. Абрахамсом, Р. Раппапортом, М. Элиаде, А. Р. Рэдклифф-Брауном, Р. Мареттом, К. Леви-Стросом, Х. Юбером, М. Моссом, Бр. К. Малиновским и др. в разное время уже были выделены: 5) функция «внесения порядка в беспорядок» (космизации?); 6) функция «поддержания существующих норм и ценностей» (регулятивная); 7) функция хаотизации — прокламации временного беспорядка (ради снятия социального напряжения в оргиях и т. п.); 8) функция «борьбы с профанным временем»; 9) дифференцирующая; 10) адаптационная; 11) функция обмена ценностями; 12) коммуникативная; 13) медиаторная; 14) аутокоммуникативная (единства адресата и адресанта); 15) компенсаторная; 16) функция «культового

¹⁴ Обряд. Ритуал // Культура и культурология: Словарь / А. И. Кравченко, сост., ред. М., 2003. С. 646, 734.

¹⁵ Байбуриным А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М., 2005²; Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. М., 2004. Т. 1. Исчерпывающей дефиницией нельзя считать простое указание на то, что: «...ритуал — высшая форма и наиболее последовательное воплощение символическости» (Байбуриным. Ритуал в традиционной культуре... С. 16).

¹⁶ Редким исключением является книга О. А. Седаковой, написанная со структурно-функциональных методологических позиций: Седакова О. А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004. Интересно также отметить, что О. А. Седакова последовательно придерживается термина «обряд», не допуская его смешения с термином «ритуал».

¹⁷ Заговорный текст: Генезис и структура. М., 2005; Левкиевская Е. Е. Славянский берег. Семантика и структура. М., 2002; Новик Е. С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур. М., 2004; Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990; Она же. Модель мира и ее лингвистические основы. М., 2006³; Язык культуры: Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996) / С. М. Толстая, ред. М., 2004.

¹⁸ Нумерации функций в цитируемых источниках нет. Она достаточно произвольна и введена нами в целях удобства учета и подсчета. Порядковые номера никакого отношения к иерархизации функций не имеют. — И. Д.

узаконения мифов» (легитимирующая?); 17) функция символизации; 18) функция «шаблонизации внешних форм поведения»¹⁹.

А. К. Байбурин соглашается с К. С. Сарингуляном в целесообразности группировки многочисленных функций обряда / ритуала в зависимости от их тенденции — дистанцирования либо аппроксимирования. К группе дистанцирования оба автора относят: 19) функцию стратификации (иерархизации); 20) функцию деонтизации (подавления индивидуальной импульсивности поведения и канализирования эмоций); 21) функцию хронометрии (различения и счисления временных промежутков); 22) функцию сублимации (социальной психогигиены). А к группе аппроксимирования принадлежат: 23) функция интериоризации; 24) солидаризирующая (психологической интеграции); 25) сигнификационная (воспроизведения культурных значений); 26) мемориализационная (обеспечивающая память предков); 27) инициационная («закрепления за индивидом новых социальных ролей»); 28) функция аккультурации — «социального освоения пространственной среды»²⁰.

Сам А. К. Байбурин склонен акцентировать внимание лишь на некоторых из названных выше функций, а именно: психотерапевтической, регенерирующей (реставрационной), функции аутокоммуникации (возвращения информационного послания к адресату через несколько передаточных звеньев), социализации, хронометрии, инкультурационной (сигнификационной) и функции символизации. Его личным вкладом в функциональный анализ обряда/ритуала можно считать описание еще четырех функций: 29) прогностической (скорее, мантической, поскольку речь идет не о пророчествах, а о предсказаниях методом гаданий и истолкований знамений); 30) объяснительной (мировоззренческой); 31) фатической (судьбоносной, когда слово не только запечатляет, но и «запечатывает»); 32) тестирующей (онто-диагностической, когда мир пробуется на вкус, на слух, на ощупь и т.д.)²¹. Остается удивляться тому, что религия наследует от обряда / ритуала не более половины функций, если учесть, что в религиозном обряде и религиозном ритуале (как видов и подвидов культовой практики) по умолчанию должны сохраняться и воспроизводиться характеристики рода, каковым выступает обряд, согласно взглядам В. Н. Топорова, А. К. Байбурина, Т. В. Цивьян и «ритуалистов» Кембриджской школы²². Возможно, это связано со своеобразной «фильтрацией» достижений культурной антропологии социологией религии.

В. Н. Топоров, вспоминая работы Ж. Дюмезиля, останавливается на трех важнейших функциях, подчеркнем, религиозного ритуала: 1) Религиозно-правовой (разделяющейся на три подфункции: узаконивающую, упорядочивающую и морализующую); 2) функции безопасности коллектива («воинской») и 3) производственно-экономической. Все они, по мысли отечественного ис-

¹⁹ Байбурин. Ритуал в традиционной культуре... С. 30–34.

²⁰ Там же. С. 34–35.

²¹ Там же. С. 5–37, 183–223.

²² Байбурин. Ритуал в традиционной культуре...; Обрядовая теория мифа...; Топоров. Исследования по этимологии и семантике...; Цивьян. Цит. соч.; Она же. Модель мира и ее лингвистические основы. М., 2006³. В связи с двумя последними источниками см. также: Топорова Т. В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. М., 1994.

следователя, восходят к недифференцированной «жизнестроительной» прото-функции. Далее следуют: 4) интегративная; 5) аксиологическая и 6) функция социализации²³. Заслугой В. Н. Топорова в ритуалистике следует считать, в первую очередь, тщательнейшее исследование этимологии слова «ритуал» и «обряд»²⁴, чего не встретишь, например, в четырехтомном «Этимологическом словаре русского языка» Макса Фасмера. И в функциональном анализе В. Н. Топоров смог сказать новое и весомое слово. Он эксплицировал оригинальные и неочевидные 7) плоттогенетическую и 8) «космокреативную» (творческую) функции ритуала²⁵. Достижения А. К. Байбурина, К. С. Сарингуляна, В. Н. Топорова, как представителей культурной антропологии, с одной стороны, и достижения социологов религии московской и билефельдской университетских школ — с другой, можно представить в виде сравнительной таблицы. Референтным будет выступать суммарный набор функций религии, предлагаемый билефельдской школой социологии религии и московской школой религиоведения, с включением туда точки зрения П. А. Флоренского.

Функциональный анализ религии билефельдской и московской школ: функция	Функциональный анализ религиозного ритуала В. Н. Топорова: функция	Функциональный анализ обряда / ритуала А. К. Байбурина и К. С. Сарингуляна: функция
1. Самоидентификации (идентификации с социальным целым)		27. Инициационная (?)
2. Ритуализация жизни		18. Шаблонирования форм поведения
3. Преодоления случайностей		
4. Социальной интеграции (системно-интегрирующая)	4. Интегративная	2. Интегрирующая
5. Космизации		5. Космизации (упорядочивающая)
6. Профетическая		29. Прогностическая
7. Мировоззренческая		30. Объяснительная
8. Компенсаторная (22. Утешения в трудных жизненных ситуациях)		15. Компенсаторная
9. Коммуникативная		12. Коммуникативная
10. Регулятивная (23. Социального контроля посредством сакрализованных установлений)		6. Регулятивная
11. Дезинтеграции		7. Хаотизации

²³ Топоров. О ритуале... С. 16–18, 31.

²⁴ Там же. С. 23–27.

²⁵ Там же. С. 21, 29.

Функциональный анализ религии билефельдской и московской школ: функция	Функциональный анализ религиозного ритуала В. Н. Топорова: функция	Функциональный анализ обряда / ритуала А. К. Байбурина и К. С. Сарингуляна: функция
12. Культуротранслирующая		25. Сигнификационная и 28. Аккультурации
13. Легитимации	1. Религиозно-правовая	16. Легитимирующая
14. Сотериологическая		
15. Психотерапевтическая		4. Психотерапевтическая
	2. Воинская	
	3. Производственно-экономическая	
16. Ценностно-интерпретирующая	5. Аксиологическая	11. Обмена ценностями
	6. Социализации	1. Социализации индивида
	7. Глоттогенетическая	
	8. Творческая	
		3. Регенерирующая
		8. Функция «борьбы с про-фанным временем»
17. Дифференцирующая		9. Дифференциации
		10. Адаптации
18. Ауторефлексии		14. Аутокоммуникативная
		17. Символизации
		19. Стратификации
		20. Деонтизации
		21. Хронометрии
		22. Сублимации
		23. Интериоризации
		24. Психологической интеграции
		26. Мемориализационная
		31. Фатическая
		32. Онто-диагностическая
19. Взаимозависимости		
20. Абсорбции		
21. Посредничества со священным		13. Медиаторная
24. Побуждения индивидов к духовному развитию		

Как видно из таблицы, 17 из 24 параметров референтного списка совпадают с результатами функционального анализа А. К. Байбурина. Это говорит о достаточно высокой степени заимствования функций обряда религией. Однако около 50% функций (15 из 32) оказываются присущи, по результатам сравнительного

анализа представленных данных, исключительно обряду / ритуалу. Половина функций, эксплицированных В. Н. Топоровым, практически ни с какими другими не корреспондирует.

На наш взгляд, понятие обряда позволяет описать архаичное, спонтанное, аморфное и полиморфное явление духовной культуры, ритуал более конкретен, строг и упорядочен. И это легко показать на примерах. Скажем, конфуцианское полисемантическое понятие «ли»²⁶, входящее в идеал «цзюнь цзы», на русский язык по преимуществу переводится как «моральный закон» или «ритуал», но никогда не как «обряд», что придает всему контексту семантический оттенок легитимации, институализации, продуманности, полноты и законченности²⁷. Сходного взгляда на ритуал придерживаются У. Монтер в своей книге «Ритуал, миф и магия в Европе раннего Нового времени»²⁸, А. Уотс в «Миф и ритуал в христианстве»²⁹ и др.

С этим подходом вполне можно согласиться при одном условии: необходимо различать обряд как таковой (род) и обряды религиозные (вид), В. Н. Топоров предпочитает термину «религиозный обряд» другой — «священнодействие»³⁰. Их целесообразно считать синонимами. Тогда может быть выстроена непротиворечивая разветвляющаяся иерархия понятий и обозначаемых ими явлений, например, такая:

└ традиция — мифоритуал — обряд — религиозный обряд < христианское Таинство
 └ обычай — канон... └ ритуал — религиозный ритуал³¹ — ...
 └ игра — игрища...

В этой схеме не указаны культура и культ, поскольку одна предшествует традиции (как явление более высокого порядка), а другой представляет собой синкрет обряда, обычая, канона и ритуала³². Место мифа будет рассмотрено отдельно.

В. Н. Топоров стремится примирить позиции «ритуалистов», «эволюционистов», «функционалистов» и «символистов» в ритуалистике, подчеркивая «...фундаментальное значение ритуала и его определяющую роль в мифо-ритуальном единстве»³³. Принципиально важно, что авторитетный российский ученый не

²⁶ Кобзев А. И., Торчинов Е. А. Ли [1]; Кобзев А. И. Ли [2] // Китайская философия / М. Л. Титаренко, ред. М., 1994. С. 166–169.

²⁷ Кун цзы. Лунь юй // Древнекитайская философия / В. А. Кривцов, пер. М., 1972. Т. 1. С. 143 и след. (Тай Бо, 2).

²⁸ Monter E. W. Ritual, Myth and Magic in Early Modern Europe. Brighton, 1984 (русский перевод: Монтер У. Ритуал, миф и магия в Европе раннего Нового времени. М., 2003).

²⁹ Wats. Op. cit. (русский перевод: Уотс. Цит. соч.).

³⁰ Топоров. О ритуале... С. 17.

³¹ Давыдов И. П. Обряды религиозные. Праздники христианские // Религиоведение / И. Н. Яблоков, ред. М., 1998. С. 430–431, 444–448.

³² Валидность и эвристика данной схемы нами была проверена на примере материала монографии И. Ю. Шауба (Шауб И. Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.). СПб., 2007) и сборника «Рождение ребенка в обычаях и обрядах. Страны зарубежной Европы» (М., 1997). При этом использовался метод случайной выборки. Существенно, что в одном источнике был представлен теоретически обработанный, отрефлексированный материал, а в другом — более «сырой», фактографический. Принципиальных разногласий, не позволяющих применять нашу концепцию, в данном случае не обнаружено.

³³ Топоров. О ритуале... С. 32, 44.

отказывается от идеи мифоритуального континуума, хотя относится к ней с большой долей скепсиса, предпочитая анализировать различия мифа и ритуала, нежели их сходство как архаичных форм символизации священного. Для В. Н. Топорова «...ритуал “священен” сам по себе и из себя. Миф же заимствует “священное” через свою связь с ритуалом, с описанием “священного” начала (творения), с участием в нем “священных” персонажей и т. п.»³⁴. Это главное отличие. Есть и другие, не менее существенные, о которых говорили П. Радин, Дж. П. Мердок, Е. М. Мелетинский³⁵.

Совместить антагонистические черты мифа и ритуала позволяет концепция мифоритуала. Причем она позволяет проводить нетривиальные параллели. Бинарная оппозиция слово / дело очень интересно преломляется, например, в христианском изобразительном искусстве: древнерусская простонародная этимология греческого слова «δέησις» (моление) наивно расшифровывала его как «Дело Иисусово» в смысле божественного домостроительства, что даже нередко влекло за собой ошибочное написание: «Дъису(оу)сь» (через «ять»)³⁶, вместо «Деисусь»³⁷. Получается, что в русском и шире — в славянском — христианском сознании закрепился семантический ряд: «дело Иисусово — дело Бога-Слова — дело Слова». Если дело — это ритуал, а слово — миф, то «дело Иисусово» — мифоритуал. Тезис и антитезис «снимаются», согласно предположению В. Н. Топорова, мыслью³⁸. Выражаясь философским языком, слову и делу предшествует эйдос. Он получает свое непосредственное воплощение в теургическом искусстве, а его наивысшим проявлением оказывается, по предположению П. А. Флоренского, храмовое действо.

Возвращаясь к нашей схеме, в связи с наблюдениями В. Н. Топорова, можно добавить следующее. На наш взгляд, миф / протомиф или же имплицитно (до своего обособления и рефлексии в философии мифа) или же эксплицитно (после автономизации в мифопоэтике³⁹) выполняет функцию медиатора, переносчика информации от одного культурного ядра к другому. Если ритуалу присуща глоттогенетическая функция, то мифу — вербализующая. Он проговаривает действие, переводит его в вербальную и литтеральную знаковые системы, комментирует его, а на более поздних стадиях и подменяет (заменяя континуальность «дела» дискретностью «слов», что позволило К. Леви-Стросу, по тонкому замечанию В. Н. Топорова, считать позднейший ритуал реакцией на то, что сотворила с миром мифология). Место мифа можно уподобить месту электрона в

³⁴ Топоров. О ритуале... С. 35.

³⁵ См., например: Мелетинский Е. М. Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл ворона. М., 1979. С. 144 и след.; Мердок Д. П. Социальная структура. М., 2003; Радин П. Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К. Г. Юнга и К. К. Кереньи. СПб., 1999.

³⁶ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. М., 2003. Т. 1. Стб. 651.

³⁷ Успенский Л. Вопрос иконостаса. М., 1992. С. 22.

³⁸ Топоров. О ритуале... С. 28.

³⁹ Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1995²; Толкиен Дж. Р. Р. Мифопоэзия. О волшебных сказках // Он же. Хоббит, или Туда и Обратно. Приключения Тома Бомбадила и другие истории. СПб., 2004. С. 319–325; 581 и след.

планетарной модели атома. Миф есть, он слышим, но наблюдать его в динамике не возможно, он создает смысловые оболочки и на уровне мифоритуала, и на стадии обряда, религиозного обряда, и на уровне ритуала и религиозного ритуала⁴⁰. Он «обегаёт» все имеющиеся в наличии «культурные ядра», в чем, собственно, и состоит, на наш взгляд, явление трансгрессии мифа⁴¹. Причем говорить об эволюции мифа в данном случае не приходится, поскольку миф может и не эволюционировать, не изменяться содержательно, а лишь варьировать по форме. И в этом смысле современный литературный «неомиф» для структуралиста — такой же архаичный элемент, каким он был тысячелетия назад⁴².

2. Функциональный анализ мифа

Б. Малиновский, вслед за У. Робертсоном Смитом (1846–1894), Э. Дюркгеймом, Х. Морсом, А. Р. Рэдклифф-Брауном (1881–1955), подчеркивая актуальность изучения социального аспекта мифологии, исходил из следующей посылки: «...миф — это неотъемлемая часть структуры всякой религии, а если более конкретно, то он представляет собой матрицу и ритуала, и веры, и морального поведения, и социальной организации. Это означает, что миф — не часть примитивной науки, не первобытная философская аллегория полупоэтического восторженного характера и не искаженное странным образом историческое свидетельство. Поэтому основная функция мифа заключается не в том, чтобы объяснить сущее, не в том, чтобы сообщать о прошлых исторических событиях и не в том, чтобы выражать в той или иной форме общие человеческие фантазии или чаяния»⁴³. Б. Малиновский пришел к выводу, что «...миф выполняет незаменимую функцию: он выражает, укрепляет и кодифицирует веру; он оправдывает... моральные принципы; он подтверждает действительность обряда и содержит практические правила, направляющие человека»⁴⁴.

Эту функциональную интерпретацию мифа заимствовал у Бр. К. Малиновского Мирча Элиаде. Развивая его взгляды в своем ставшем хрестоматийным сочинении «Аспекты мифа», М. Элиаде очертил пять базисных для первобытного мышления свойств мифа (назвав их функциями), а именно: 1) быть историей подвигов сверхъестественных существ; 2) представляться абсолютно реальным, истинным и сакральным повествованием; 3) служить архивом этиологических знаний, транслируемых в ходе инициации каждой очередной генерации; 4) в силу своей гносеологичности — быть инструментом познания, приобрете-

⁴⁰ В этой связи см., например: Цораев З. У. Мифический смысл и социальный код. СПб., 2007.

⁴¹ Давыдов И. П. Трансгрессивность мифологичного // Философия в современном мире: диалог мировоззрений: Материалы VI Российского философского конгресса (Нижний Новгород, 27–30 июня 2012 г.): В 3 т. Н. Новгород, 2012. Т. 3. С. 310–311.

⁴² См., например, статьи И. В. Кондакова, В. М. Розина, А. И. Пигалева, Д. Н. Замятина, В. М. Хачатуряна, А. В. Костиной, А. К. Якимович, С. Б. Никоновой и др. в сборнике: Миф и художественное сознание XX века / Н. А. Хренов, ред. М., 2011.

⁴³ Малиновский Б. Миф как драматическое развитие догмы // Он же. Магия, наука и религия. М., 1998. С. 281.

⁴⁴ Малиновский. Миф в примитивной психологии... С. 99.

ния новых сведений и овладения новыми операциональными навыками; 5) быть способным реактуализировать события священной истории, возвращая участников на время обряда *in illo tempore*⁴⁵.

Представитель «ритуалистов» Д. Фонтенроуз также подчеркивает несостоятельность попыток эволюционистов привести все мифы под единый общий знаменатель и считает более плодотворным функциональный анализ. Он, следом за Бр. К. Малиновским, выделил: 1) оправдательную и 2) законодательную функции мифа, при этом скептически отнесся к целесообразности различения 3) объяснительной и 4) этиологической, хотя и поименовал их. Социально-политическая (5-я)⁴⁶ функция мифа для него настолько расплывчата, что он не готов учитывать это свойство мифа даже в его дефиниции⁴⁷.

Другой «ритуалист» — К. Клакхон не столь категоричен, из его рассуждений можно эксплицировать указания на именно объяснительную функцию мифа, а также на: 6) функцию (иллюзорного?) исполнения желаний (иллюзорно-компенсаторную?), 7) функцию культурного поиска, 8) дескриптивную и 9) функцию сопровождения обряда⁴⁸ («логоменальную» в терминологии Джейн Харрисон⁴⁹).

Точки зрения феноменологов (в лице М. Элиаде) и ритуалистов (в лице представителей «кембриджской школы») удобно сопоставить в форме таблицы, при этом референтными будут выступать взгляды М. Элиаде:

Функциональный анализ мифа М. Элиаде: функция	Функциональный анализ мифа кембриджской школы: функция
1. Историческая (мемориальная)	8. Дескриптивная (?)
2. Сакрализационная	
3. Этиологическая	4. Этиологическая
4. Гносеологическая	7. Функция культурного поиска (?)
5. Реактуализационная	9. Логоменальная (?)
	1. Оправдательная
	2. Законодательная
	3. Объяснительная
	5. Социально-политическая
	6. Компенсаторная

Как видно из таблицы, «кембриджцы» учитывают примерно в два раза больше функций мифа, нежели М. Элиаде. В феноменологии заметна тенденция «укрупнения» функций. При этом практически все названные М. Элиаде свойства мифа имеют свои корреляты в обрядовой теории. Но только этиологическая функция является прямым аналогом. Остальные требуют комментария.

⁴⁵ Элиаде. Аспекты мифа. М., 1996. С. 28–29.

⁴⁶ Порядковые номера функциям мифа приданы нами исключительно для удобства учета и подсчета, никакой квалификативной нагрузки данная нумерация не несет. — И. Д.

⁴⁷ Фонтенроуз Д. Обрядовая теория мифа // Обрядовая теория мифа... С. 123–125.

⁴⁸ Клакхон К. Мифы и обряды: общая теория // Обрядовая теория мифа... С. 165.

⁴⁹ Хьюман С. Обрядовый подход к мифу и мифическому // Обрядовая теория мифа... С. 180.

Если «ритуалисты» просто указывают на свойство мифа фиксировать события и удерживать их в народной памяти, то феноменологи акцентируют внимание не на любых, а исключительно на сверхъестественных событиях, в частности, религиозных чудесах. Точно так же «ритуалисты» отказывают мифу в функции сакрализации, поскольку считают его вторичным явлением. То есть они десакрализуют миф. Функция культурного поиска лишь отчасти соответствует гносеологической, поскольку понятие культурного поиска шире — это и познание, и апробирование операциональных навыков, и аккультурация, и физическая экспансия, например, географическая разведка новых территорий в целях расселения. Хотя последнюю, скорее всего, способен осуществлять ритуал, а не миф. Логоменальная функция опять-таки подчеркивает зависимость мифа от ритуала (как первичного дроменального явления). Миф стремится к симбиозу слова и дела, именно благодаря мифу воссоединяются части мифоритуала, например, функция реактуализации «включает» обрядовое действие, «запускает» его.

Интересно, что «кембриджцы», отказывая мифу во многих чертах в пользу ритуала, все же выделяют вдвое больше функций мифа, чем феноменологи, не являющиеся протагонистами обрядовой теории мифа.

Не будет лишним суммировать все функции религии, ритуала и мифа и систематизировать их для наглядности в форме сводной таблицы. Не обнаружение прямых или косвенных аналогов тех или иных функций лишней раз свидетельствует о возможной уникальности последних и их пригодности для различения и идентификации религии, мифа или ритуала. Универсальность функции (наличие ее в арсенале любых двух либо всех трех исследуемых феноменов) указывает на возможную преемственность черт, причем можно согласиться с постулированием «ритуалистами» первичности ритуала (с определенными оговорками: на наш взгляд, первичен конгломерат мифо-ритуала). Такое сопоставление осуществляется в отечественном религиоведении впервые и является новационным, поскольку учитывает опыт функционального анализа самых разных зарубежных и отечественных научных школ и направлений (социологии, этнологии, фольклористики). Показателен уже сам факт вычленения 24 функций и подфункций религии, 12 функций мифа и 36 функций обряда / ритуала:

Функциональный анализ религии билефельдской и московской школ: функция	Функциональный анализ мифа М. Элиаде и кембриджской школы: функция	Функциональный анализ обряда/ритуала А. К. Байбурина, К. С. Сарингуляна и В. Н. Топорова: функция
1. Самоидентификации (идентификации с социальным целым)		27. Инициационная
2. Ритуализации жизни		18. Шаблонирования форм поведения
3. Преодоления случайностей	1. Оправдательная	

Функциональный анализ религии билефельдской и московской школ: функция	Функциональный анализ мифа М. Элиаде и кембриджской школы: функция	Функциональный анализ обряда/ритуала А. К. Байбурина, К. С. Сарингуляна и В. Н. Топорова: функция
4. Социальной интеграции (системно-интегрирующая)		2. Интегрирующая
5. Космизации		5. Космизации (упорядочивающая)
6. Пророческая		29. Прогностическая
7. Мироззренческая	3. Объяснительная	30. Объяснительная
8. Компенсаторная (22. Утешения в трудных жизненных ситуациях)	6. Компенсаторная (иллюзорно-компенсаторная)	15. Компенсаторная
9. Коммуникативная		12. Коммуникативная
10. Регулятивная (23. Социального контроля посредством сакрализованных установлений)		6. Регулятивная
11. Дезинтеграции		7. Хаотизации
12. Культуротранслирующая	7. Функция культурного поиска	25. Сигнификационная и 28. Аккультурации
13. Легитимации	2. Законодательная и 5. Социально-политическая	16. Легитимирующая (Религиозно-правовая)
14. Сотериологическая		
15. Психотерапевтическая		4. Психотерапевтическая
		33. Воинская
		34. Производственно-экономическая
16. Ценностно-интерпретирующая		11. Обмена ценностями (Аксиологическая)
		1. Социализации индивида (Социализации)
		35. Глоттогенетическая
		36. Творческая
	11. Реактуализационная	3. Регенерирующая
		8. Функция «борьбы с профанным временем»
17. Дифференцирующая		9. Дифференциации
		10. Адаптации
18. Ауторефлексии		14. Аутокоммуникативная
		17. Символизации
		19. Стратификации
		20. Деонтизации

Функциональный анализ религии билефельдской и московской школ: функция	Функциональный анализ мифа М. Элиаде и кембриджской школы: функция	Функциональный анализ обряда/ритуала А. К. Байбурина, К. С. Сарингуляна и В. Н. Топорова: функция
		21. Хронометрии
		22. Сублимации
		23. Интериоризации
		24. Психологической интеграции
	8. Дескриптивная (историческая, мемориальная)	26. Мемориализационная
	9. Логоменальная	31. Фатическая
	12. Гносеологическая	32. Онто-диагностическая
	4. Этиологическая	
	10. Сакрализационная	
19. Взаимозависимости		
20. Абсорбции		
21. Посредничества со священным		13. Медиаторная
24. Побуждения индивидов к духовному развитию		

Разумеется, данные этой сводной таблицы еще требуют уточнений, некоторые аспекты допускают двоякое истолкование, например, фатическая функция лишь отчасти эквивалентна логоменальной — в той мере, в какой конкретное общество признает правило, вошедшее в поговорку: «Что написано пером, то не вырубишь топором». Онто-диагностика не тождественна гностике, но имеет сходство в модусе взаимодействия с действительностью: а *posteriori* — испытание ее качеств ради приращения знания или проверки на адекватность уже имеющимся в «базе данных» представлениям. Этиологическая функция очень близка объяснительной и мировоззренческой, но единодушно признается всеми исследователями мифологии в качестве самостоятельной, т. к. маркирует этиологические мифы, связанные с «эмбриогенезом» общества.

Точно так же лучше разводить дескриптивную и логоменальную функции мифа, поскольку дескрипция следует нехитрому правилу «Что вижу, о том и пою», а логоменальность («говорливость» мифа) строго увязывается с дроменальностью («деловитостью») ритуала. Конечно, это тоже вербальное зеркалирование окружения, но другого порядка. Важно подчеркнуть, что перечисленные в этой таблице свойства оказываются присущи мифу не только на стадии архаичных верований и родо-племенных религий — они сохраняются и на более поздних стадиях антропосоциогенеза, вплоть до наших дней. Как убедительно показал сам М. Элиаде вслед за Дж. Дж. Фрейзером, например, эсхатологические мифы превосходно адаптировались к реалиям дня нынеш-

него и продолжают существовать в недрах всех мировых религий, в т. ч. христианства⁵⁰.

Заключение

В качестве *вывода* можно заявить, что в полноте своей потенциал функций мифа (их около десятка) и ритуала (их более тридцати) раскрываются только сообща — в мифоритуальном континууме. Ведь количество функций мифа, выявленных исследователями, относительно невелико, во всяком случае, оно более соразмерно количеству социальных функций религии, нежели ритуала.

Ключевые слова: религия, мифоритуал, функции мифа, функции ритуала, ритуалистика, социология религии, этнолингвистика, функциональный анализ, сравнительный анализ.

THE COMPARATIVE AND FUNCTIONAL ANALYSIS OF MYTH AND RITUAL AS CONSTITUENT PARTS OF A MYTHO- RITUAL RELIGIOUS ENTIRETY

I. DAVYDOV

(Moscow State University, St Tikhon's University)

The author treats the problem of ritual studies as relevant to the study of religion. Mytho-ritual is a relatively new concept, unfamiliar to many specialists. The author tries to define this concept, trace its origin and essential characteristics, and finally, on the basis of all this, posit a link uniting myth and ritual. Importance is given to the functional analysis of ritual, highlighting the essential role of ritual and rite. The theories of the Bielefeld and Moscow schools, the theory of V. N. Toporov regarding religious ritual, and those regarding ritual and rite proposed by A. K. Baiburin and K. S. Saringulyan are examined. The author then proceeds to an analysis of the functions of myth and examines the theories of M. Eliade and the Cambridge School. Finally the author compares the various functions of myth and ritual and finds that the number of actual functions of myth proposed by Russian and foreign experts, sociologists, ethnologists and folklorists, is rather small and closer in number to that of the functions of religion rather than of ritual. The author enumerates 36 functions of ritual as compared to only 12 functions of myth and 24 functions of religion.

---

⁵⁰ «Если мы примем во внимание истинную природу и функцию мифа, то окажется, что христианство не превзошло образ бытия архаического человека; оно и не могло этого сделать. *Homo naturaliter Christianus*» (Элиаде М. Мифы. Сновидения. Мистерии. М.; К., 1996. С. 32).

Keywords: religion, mytho-ritual, functions of myth, functions of ritual, ritual studies, sociology of religion, ethno-linguistics, functional analysis, comparative analysis.

Список литературы

1. Bajburin A. K. *Ritualy tradicionnoj kul'ture. Strukturno-semanticheskij analiz vostochnoslavjanskih obrjadov* (Ritual in the traditional Culture. Structural-semantical analysis of the East-Slavic Rites). Saint Petersburg, 1993.
2. Bajburin A. K. *Zhilishhe v obrjadah i predstavlenijah vostochnyh slavjan* (Dwelling in the Rites and Ideas of the Eastern Slavs). Moscow, 2005².
3. Bascom W. 1957. *Journal of American Folklore*, no. 70. pp. 103-114.
4. Belova O. V. *Jetnokul'turnye stereotipy v slavjanskoj narodnoj tradicii* (Ethnocultural Stereotypes in the Slavic folk Tradition). Moscow, 2005.
5. Bjeskom V. 2003. *Obrjadovaja teorija mifa* (Ritual Theory of the Myth). Saint Petersburg, 2003, pp. 132-156.
6. Civ'jan T. V. *Lingvisticheskie osnovy balkanskoj modeli mira* (Linguistic Bases of the Balkan world Model). Moscow, 1990.
7. Civ'jan T. V. *Model' mira i ee lingvisticheskie osnovy* (World Model and its linguistic Bases). Moscow, 2006³.
8. Coraev Z. U. *Mificheskij smysl i social'nyj kod* (Mythical Sense and social Code). Saint Petersburg, 2007.
9. Davydov I. P. 1998. *Jablokov I. N. (ed.) Religiovedenie* (Religious Studies). Moscow, 1998, pp. 430-431, 444-448.
10. Davydov I. P. 2012. *Filosofija v sovremennom mire: dialog mirovozzrenij: Materialy VI Rossijskogo filozofskogo kongressa (Nizhnij Novgorod, 27–30 ijunja 2012g.)* (Philosophy in the contemporary World. The Dialogue of the World-views. Materials of philosophic Congress (N. Novgorod, 27-30 of June 2012)). N. Novgorod, 2012, no. 3, pp. 310-311.
11. Fontenrouz D. 2003. *Obrjadovaja teorija mifa* (Ritual Theory of the Myth). Saint Petersburg, 2003, pp. 123-125.
12. *Golos i ritual. Materialy konferencii (maj 1995 g.)* (Voice and Ritual. Material of the Conference on May 1995). Moscow, 1995.
13. H'juman S. 2003. *Obrjadovaja teorija mifa* (Ritual Theory of the Myth). Saint Petersburg, 2003, pp. 177-197.
14. Hrenov N. A. (ed.) *Mif i hudozhestvennoe soznanie XX veka* (Myth and artistic Awareness in XX c.). Moscow, 2011.
15. Jeliade M. *Aspekty mifa* (Aspects of the Myth). Moscow, 1996.
16. Jeliade M. *Mify. Snovidenija. Misterii* (Myths. Dreams. Mysteries). Moscow, 1996.
17. Klakhon K. 2003. *Obrjadovaja teorija mifa* (Ritual Theory of the Myth). Saint Petersburg, 2003, p. 165.
18. Kobzev A. I., Torchinov E. A. 1994. *Titarenko M. L. (ed.) Kitajskaja filosofija* (Chinese Philosophy). Moscow, 1994, pp. 166-169.
19. Konrad L. *Agressija (tak nazyvaemoe «zlo»)* (Aggression (so-called «evil»)). Moscow, 2001.
20. Kravchenko A. I. (ed.) *Kul'tura i kul'turologija: Slovar'* (Culture and Culturology: Glossary). Moscow, 2003.
21. Kun czy. 1972. *Drevnekitajskaja filosofija*. Moscow, 1972, no. 1, p. 143.
22. Lapteva L. P. *Istorija slavjanovedenija v Rossii v XIX veke* (History of the Slavic Studies in XIX c. Russia). Moscow, 2005.

23. Levkieskaja E. E. *Slavjanskij obereg. Semantika i struktura* (Slavic Amulet. Semantics and Structure). Moscow, 2002.
24. Malinovskij B. *Magija, nauka i religija* (Magics, Science and Religion). Moscow, 1998, p. 281.
25. Meletinskij E. M. *Paleoaziatskij mifologičeskij jepos. Cikel vorona* (Paleo-Asian Mythological Epos. The Cicle of the Raven). Moscow, 1979.
26. Meletinskij E. M. *Pojetika mifa* (Poethics of the Myth). Moscow, 1995².
27. Merdok D. P. *Social'naja struktura* (Social Structure). Moscow, 2003
28. Mirecki P., Meyer M. (eds.) *Magic and Ritual in the Ancient World*. Leiden, 2002.
29. Monter E. W. *Ritual, Myth and Magic in Early Modern Europe*. Brighton, 1984.
30. Monter U. *Ritual, mif i magija v Evrope rannego Novogo vremeni* (Ritual, Myth and Magic in Early Modern Europe). Moscow, 2003.
31. Novik E. S. *Obrjad i fol'klor v sibirskom shamanizme: Opyt sopostavlenija struktur* (Rite and Folklore in the Siberian Shamanism: Experince of the Comparison of Structures). Moscow, 2004².
32. Osipova O. V. *Drevnegrechesko-russkij i latinsko-russkij slovari osnovnyh terminov religiovedenija* (Old Greek-Russian and Latin-Russian Dictionaries of the basic Terms of religious Studies). Moscow, 2007.
33. Radin P. *Trikster. Issledovanie mifov severoamerikanskih indejcev s kommentarijami K. G. Junga i K. K. Keren'i* (Trickster. Study of the Myths of the North-American Indians with the Commentaries of K. Jung and K. Kerényi). Saint Petersburg, 1999.
34. *Rozhdenie rebenka v obyčajah i obrjadah. Strany zarubeznoj Evropy* (The Birth of the Child in Customs and Rites in Europe). Moscow, 1997.
35. Salamone F. A. (ed.) *Encyclopedia of religious rites, rituals, and festivals*. New York, 2004.
36. Sedakova O. A. *Pojetika obrjada. Pogrebal'naja obrjadnost' vostochnyh i južnyh slavjan* (Poethics of the Rite. Funeral Rites of the Eastern and South Slavs). Moscow, 2004.
37. Shaub I. Ju. *Mif, kul't, ritual v Severnom Prichernomor'e (VII–IV vv. do n. je.)* (Myth, Cult, Ritual in the North Black Sea Region (VII-IV cc B. C.)). Saint Petersburg, 2007
38. Shhepanskaja T. B. *Kul'tura dorogi v russkoj miforitual'noj tradicii XIX–XX vv.* (Culture of the Road in Russian mythic-ritual Tradition of XIX-XX c.) Moscow, 2003.
39. Shinkarenko V. D. *Nejrotipologija kul'tury* (Neurotypology of the Culture). Moscow, 2005.
40. Shinkarenko V. D. *Smyslovaja struktura sociokul'turnogo prostranstva: Igra, ritual, magija* (Sense Structure of social-cultural Field. Play, Ritual, Magic). Moscow, 2005.
41. Shinkarenko V. D. *Smyslovaja struktura sociokul'turnogo prostranstva: Mif i skazka* (Sense Structure of social-cultural Field. Myth and Tale). M., 2005.
42. Shvedova N. Ju. (ed.) *Tolkovyj slovar', sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij* (Glossary systematized on classes of the Words and Senses). Moscow, 2003.
43. Sreznevskij I. I. *Materialy dlja slovarja drevnerusskogo jazyka* (Materials for the Old-Russian Dictionary). Moscow, 2003.
44. Stepanov Ju. S. *Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury* (Constants: Glossary of the Russian Culture). Moscow, 2001².
45. Tinbergen N. *Social'noe povedenie zhivotnyh* (Social Behavior of the Animals). Moscow, 1993.
46. Tolkien Dzh. R. R. *Hobbit, ili Tuda i Obratno. Priključenija Toma Bombadila i drugie istorii* (The Hobbit or There and Back Again). Saint Petersburg, 2004.
47. Tolstaja S. M. (ed.) *Jazyk kul'tury: Semantika i grammatika. K 80-letiju so dnja roždenija akademika Nikity Il'icha Tolstogo (1923-1996)* (Language of the Culture: Semantics and Grammatics. To Eightieth Birthday of N. I. Tolstoi). Moscow, 2004.
48. Tolstaja S. M. (ed.) *Jetnolingvističeskij slovar'* (Ethnolinguistic Dictionary). Moscow, 1995-2012.

49. Tolstoj N. I. (ed.) *Slavjanskij i balkanskij fol'klor: Verovanija. Tekst. Ritual* (Slavic and Balkan Folklore: Beliefs. Text, Ritual). Moscow, 1994.
50. Toporkov A. L. *Teorija mifa v russkoj filologicheskoj nauke XIX veka* (Theory of the Myth in XIX c. Russian Philological Science). Moscow, 1997.
51. Toporov V. N. 1988. *Arhaicheskij ritual v fol'klornyh i ranneliteraturnyh pamjatnikah* (Archaic Ritual in the folk and early literary Monuments). Moscow, 1988, pp. 51-52.
52. Toporov V. N. *Issledovanija po jetimologii i semantike* (Studies on Etymology and Semantics). Moscow, 2004.
53. Toporova T. V. *Semanticheskaja struktura drevnegermanskoj modeli mira* (Semantic Structure of the Old-German world Model). Moscow, 1994.
54. Uspenskij L. *Vopros ikonostasa* (Question of the Iconostasis). Moscow, 1992.
55. Vinogradova L. N. *Narodnaja demonologija i mifo-ritual'naja tradicija slavjan* (Folk Demonology and mythic-ritual Tradition of the Slavs). Moscow, 2000.
56. Watts W. A. *Myth and Ritual in Christianity*. Boston, 1953.
57. Zabijako A. P. *Kategorija svjatosti. Sravnitel'noe issledovanie lingvoreligioznych tradicij* (Category of the sanctity. Comparative Survey of linguistic-religious Traditions). Moscow, 1998.
58. *Zagovornyj tekst: Genezis i struktura* (Magic text: Origins and Structure). Moscow, 2005.